

III.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

БИБЛЮГРАФІЯ.

Дополненіе къ статьѣ: „Война и миръ“. — Русскіе на Босворѣ въ 1833 году. — Общественное воспитаніе въ Россіи. — Постановка учебной части въ прусской военной академіи. — Чертежи къ уставу ротнаго ученія. — Атласъ чертежей инженернаго управленія. — Новая карта Варшавскаго военнаго округа. — Новая карта Кавказа.

ДОПОЛНЕНИЕ КЪ СТАТЬѢ:

ВОЙНА И МИРЪ

А. Норова.

Въ ноябрской книжкѣ „Военнаго Сборника“ за настоящій годъ, одинъ изъ нашихъ славныхъ ветерановъ ратнаго дѣла и науки, справедливо гордящійся доблестными и исторіей доказанными подвигами своихъ боевыхъ товарищей — героевъ, счелъ нужнымъ, въ своей превосходной статьѣ „Война и Миръ“, на страницѣ 194-й, въ лестныхъ, и въ видѣ защиты, выраженіяхъ упомянуть о полковникѣ *графѣ Оруркѣ*.

Такъ какъ имя графа Орурка появилось въ печати и его самого въ живыхъ давно нѣтъ, то да позволено мнѣ будетъ, одному изъ его сыновей, и притомъ имѣющему честь носить русскій военный мундиръ, по сему случаю сказать нѣсколько словъ.

Если бы графъ Оруркъ, въ лицѣ того *безтолковаго нѣмца* (*), какъ вѣрно выразился почтеннѣйшій авторъ статьи, такъ распорядился переправой черезъ Энсъ, какъ это описываетъ графъ Л. Н. Толстой, то конечно не получалъ бы, въ ту же самую кампанію, тѣхъ порученій, которыя доказываютъ, что начальство имѣло довѣріе къ его военнымъ дарованіямъ. Но вотъ краткій перечень его участія въ эту кампанію.

Въ 1805 году, въ чинѣ подполковника, графъ Іосифъ Кор-

(*) Фамилія Оруркъ или правильнѣе О'Руркъ (O'Rourke) ирландская.

нильевичъ О'Руркъ, состоя подѣ командою австрійскаго генерала графа Ностица и имѣя подѣ своимъ начальствомъ два эскадрона Павлоградскаго и два эскадрона Маріупольскаго гусарскихъ полковъ, прикрывалъ ретираду. Принимая, такъ сказать, на свой щитъ удары наступающей французской арміи, онъ былъ при м. Алтъ-Эттингъ окруженъ непріятельскою кавалеріею, пробился сквозь нее съ величайшимъ для непріятеля урономъ и продолжалъ удерживать его натискъ на нашу армію, за что награжденъ орденомъ св. Георгія 4-го класса, препровожденнымъ къ нему при высочайшемъ рескриптѣ за собственноручнымъ подписаніемъ императора Александра I. До сраженія подѣ Аустерлицемъ 20-го ноября, графъ Юсифъ Корнильевичъ командовалъ аванпостами, состоявшими изъ одного эскадрона Павлоградскаго и всего казачьяго Молахова полка. Въ то же время къ сему отряду былъ прикомандированъ баталіонъ 5-го егерскаго полка, съ предписаніемъ вытѣснить непріятеля изъ д. Шиперабеше, что графомъ было выполнено блестящимъ образомъ, и онъ, при высочайшемъ рескриптѣ, награжденъ былъ орденомъ св. Анны 2-го класса; за самое же сраженіе подѣ Аустерлицемъ произведенъ въ полковники. Въ 1806 году графу предстояло снова трудное дѣло—прикрывать отступленіе, но и на этотъ разъ не измѣнила ему его непоколебимая стойкость: удерживая непріятеля, съ величайшимъ напряженіемъ силъ, отъ Вестъ-Крейсена до м. Манова, онъ выигралъ тѣмъ столько времени, что наши двѣ дивизіи безпрепятственно успѣли переправиться чрезъ рѣку, за что, при высочайшемъ рескриптѣ, награжденъ золотою саблею съ надписью: „за храбрость“. При Прейсишъ-Эйлау графъ Юсифъ Корнильевичъ, командуя тремя эскадронами, врубился съ ними въ непріятельскія колонны и гналъ ихъ до собственныхъ ихъ батарей, за что, при высочайшемъ рескриптѣ, награжденъ орденомъ св. Владиміра третьей степени.

Въ 1849 году графъ О'Руркъ скончался въ чинѣ генерала отъ-кавалеріи.

Графъ Аполоній О'Руркъ.

С.-Петербургъ.

8-го ноября 1868 года.

Русские на Босфоръ въ 1833 году. Изъ записокъ Н. Н. Муравьева (Барскаго). Москва. 1868.

Въ концѣ 1832 г. турки были разбиты войсками возмущившагося египетскаго паши подъ Гомсомъ (въ Малой Азіи); вслѣдъ затѣмъ египтяне заняли сначала Адану, потомъ быстро подошли къ тѣснинамъ Тавра. Отоманской имперіи грозила дѣйствительная опасность; тронъ султана готовъ былъ рушиться, и такой переворотъ легко могъ нарушить спокойствіе Европы.

Императоръ Николай I, желая остановить быстрые успѣхи египетскаго паши, рѣшился послать къ нему довѣренное лицо для переговоровъ. Выборъ палъ на Н. Н. Муравьева, которому государь приказалъ отправиться прежде въ Константинополь, убѣдить султана въ искренности намѣреній русскаго двора и затѣмъ, прибывъ въ Александрію, склонить Мегмедъ-Али-пашу къ миру.

Муравьевъ уполномоченъ былъ объявить египетскому пашѣ, что русскій императоръ врагъ всякаго возмущенія и вѣрный другъ султана. Посолъ долженъ былъ требовать отъ Мегмеда-Али немедленнаго прекращенія военныхъ дѣйствій, какъ на сухомъ пути такъ и на морѣ, но не входить въ посредничество для примиренія паши съ султаномъ, ибо „государю, пишетъ Муравьевъ, неприлично было принять на себя посредничество между султаномъ и пашею“.

— „Тебѣ я поручаю дѣло сіе—говорилъ императоръ Николай Муравьеву—какъ человеку, на твердость коего я совершенно полагаюсь. Я не хотѣлъ бы посылать войскъ и желаю, чтобы распря ихъ кончилась. Султанъ Махмудъ корчитъ Петра Великаго, да неудачно... Миѣ очень выгодно, чтобы онъ сидѣлъ на турецкомъ престолѣ. Онъ миѣ нынѣ пожаловалъ свой портретъ, за что я ему крайне благодаренъ“, сказалъ государь, смѣясь и кланяясь въ поясъ.

Въ возстаніи Мегмеда-Али императоръ видѣлъ послѣдствіе революціоннаго духа, овладѣвшаго Европою со времени іюльскаго переворота во Франціи. Онъ опасался, что, съ завоеваніемъ Константинополя египтянами, образуется въ нашемъ сосѣдствѣ гнѣздо всѣхъ безпокойныхъ людей, изгнанныхъ изъ благоустроенныхъ обществъ. Опасенія эти были тѣмъ основательнѣе, что крымскіе татары уже начали волноваться: между ними появились пѣсни и пророчества о скоромъ прибытіи Мегмеда-Али на защиту правовѣрныхъ.

28-го ноября Муравьевъ прибылъ въ Одессу, а 3-го декабря съѣзъ въ Севастополь на фрегатъ, назначенный для перевозки его въ Царьградъ. Спустя шесть дней, 9-го декабря, фрегатъ бросилъ якорь не доходя пяти верстъ до дома нашего посланника Бутенева, жившаго въ Беюгъ-Дерѣ.

Послѣ совѣщаній и объясненій о положеніи дѣлъ, Н. Н. Муравьевъ убѣдился въ отличныхъ достоинствахъ и качествахъ нашего посланника. Въ Бутеневѣ онъ нашелъ чедовѣка въ высшей степени скромнаго, образованнаго, коротко знакомаго съ восточными дѣлами, трудившагося не изъ тщеславія, но „со священнымъ уваженіемъ къ обязанностямъ и съ самоотверженіемъ“.

Еще до пріѣзда Муравьева въ Константинополь носился слухъ, что вскорѣ долженъ прибыть посланный отъ русскаго царя генераль. Султанъ ожидалъ съ нетерпѣніемъ его пріѣзта, и нѣсколько разъ присылалъ справляться о томъ въ нашей миссіи. Поэтому Муравьевъ, на другой же день своего пріѣзда, т. е. 10-го декабря, отправилъ въ порту драгомана Франкини извѣстить о своемъ пріѣзтѣ и просилъ назначить время для пріема. Рейсъ-эфенди и сераскиръ изъявили готовность принять посланнаго на другой день, въ 11 часовъ утра. Разказавъ султанскому министру сущность своего порученія, Муравьевъ передалъ ему копію съ письма императора Николая къ султану; Бутеневъ, съ своей стороны, объявилъ о вооруженіи черноморскаго флота и о готовности его двинуться на помощь султану, по первому требованію.

Извѣстіе это обрадовало рейсъ-эфенди, хотя онъ и стараясь скрыть свою радость. Совѣщанія не кончились однако ничѣмъ рѣшительнымъ; турецкій министръ говорилъ мало и не могъ дать отвѣта безъ предварительнаго доклада султану. Отъ рейсъ-эфенди Муравьевъ и Бутеневъ отправились къ сераскиру, Хозревъ-Мегмеду-пашѣ. Родомъ грузинъ, взятый въ дѣтствѣ въ плѣнъ, сераскиръ имѣлъ около семидесяти лѣтъ и былъ некрасивой наружности. Онъ начальствовалъ всѣми армейскими войсками, былъ военнымъ губернаторомъ Константинополя, управлялъ военнымъ министерствомъ и иностранными дѣлами; словомъ, завѣдывалъ всѣми дѣлами государства.

Сераскиръ принялъ Муравьева и Бутенева ласково, говорилъ, что генераль долженъ спѣшить поѣздкою въ Александрію, и, увлекаясь ненавистью къ египетскому пашѣ, приба-

вилъ, что въ Мегмедъ-Али „Муравьевъ встрѣтитъ человѣка хитраго, который не пощадитъ ни словъ, ни даже слезъ, чтобы оправдать себя и склонить на свою сторону.

— „За твердость мою порукою—выборъ государя“, отвѣчалъ Муравьевъ.

Разговоръ перешелъ на военныя дѣйствія между турками и египтянами. Сераскиръ осуждалъ дѣйствія верховнаго визиря и кончилъ бесѣду тѣмъ, что сталъ показывать Муравьеву свою ловкость и знаніе ружейныхъ приемовъ.

Правительство отоманской имперіи разсуждало между тѣмъ какъ о принятіи помощи нашего флота, такъ и объ отправленіи Муравьева въ Египеть. Султанскіе министры смѣшивали оба эти порученія и не могли понять, что поѣздка въ Египеть не имѣетъ ничего общаго съ помощію русскимъ флотомъ. Государственный совѣтъ опасался принять безусловно предложеніе о помощи, и по всему видно было, что прогиводѣйствовалъ въ эгомъ султану, имѣвшему другой образъ мыслей. На аудіенціи Муравьевъ старался разъяснить Махмуду свое порученіе къ египетскому пашѣ.

— Что до этого касается, перебилъ султанъ, я приказалъ уже рейсъ-эфенди сообщить тебѣ отвѣтъ мой, что онъ и исполнить.

— Не замедлю спросить у рейсъ-эфенди отвѣта, продолжалъ Муравьевъ; но мнѣ должно изложить передъ вашимъ величествомъ, что мое порученіе къ Мегмеду-Али заключается лишь въ нѣсколькихъ словахъ. Они кратки и выразительны: я объявлю ему, что государь врагъ мятежа и другъ нашего величества; что если паша, упорствуя вамъ, станетъ продолжать военныя дѣйствія, то онъ будетъ имѣть дѣло съ Россіей“.

Султанъ старался представить Муравьеву всю вину египетскаго паши, говорилъ, что готовъ вступить съ нимъ въ переговоры, но нетрудно было замѣтить, что Махмудъ дѣйствовалъ такъ не по собственной волѣ и убѣжденію, а по наущенію своихъ совѣтниковъ. Такъ же какъ и сераскиръ, онъ старался предупредить Муравьева въ томъ, что Мегмедъ-Али хитръ, лживъ и лукавъ.

— „Меня уже предостерегли“, отвѣчалъ Муравьевъ; „но убѣжденія его будутъ безсильны: я человѣкъ военный, а не дипломатъ“.

Приемъ, оказанный султаномъ Муравьеву, былъ вообще са-

мый благосклонный. Муравьевъ удостовѣрился однако, что государственный совѣтъ стѣснялъ Махмуда въ исполненіи его желаній. Положеніе султана, между тѣмъ, съ каждымъ днемъ становилось затруднительнѣе. Турецкая армія была разбита подъ Коніей Ибрагимомъ-пашею и самъ верховный визирь взятъ въ плѣнъ. Послѣ такого разгрома, Ибрагимъ-паша могъ бы-стро двинуться къ Константинополю и овладѣть имъ тѣмъ легче, что народъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ прибытія сына Мегмеда-Али. Въ виду такого тревожнаго положенія столицы Турціи и зная, что флотъ нашъ не успѣетъ придти вовремя, да если бы и пришелъ, то безъ десантныхъ войскъ не принесъ бы существенной пользы, Муравьевъ рѣшился изложить въ особой запискѣ тѣ мѣры, которыя было необходимо принять для защиты Константинополя. Онъ представилъ сераскиру свои предположенія о движеніи войскъ въ Анатолиіи и обратилъ вниманіе на обезоруженіе восточныхъ береговъ Босфора. Хозревъ отвѣчалъ, что крѣпости, окружающія батареи, въ состояніи держаться и объявилъ, что уже приняты мѣры для защиты Босфора. Оказалось однако, что сераскиръ не предпринималъ никакихъ мѣръ.

Чтобы вывести членовъ турецкаго правительства изъ бездѣтельности, Муравьевъ указалъ имъ на возможность выйти изъ опаснаго положенія. Онъ говорилъ о необходимости собрать остатки разбитой подъ Коніею турецкой арміи, побудить трапезундскаго Османа пашу, находившагося почти въ тылу египтянъ, къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ и лишить Ибрагима средствъ къ продовольствію разореніемъ того края, черезъ который долженъ былъ слѣдовать побѣдоносный предводитель египетской арміи.

Сераскиръ насчитывалъ въ Азій до 28 тысячъ турецкаго войска, но сознавался, что ихъ трудно вести впередъ послѣ нанесеннаго имъ пораженія и по причинѣ безпорядка, господствующаго въ рядахъ. Онъ полагалъ стянуть войска къ Никомидіи, сформировать ихъ; тѣ же войска, которыя не были въ дѣлѣ, придвинуть къ Кютаію, и общалъ назначить новаго главнокомандующаго.

Но время проходило, а главнокомандующаго не назначали; въ Никомидіи было собрано нѣсколько слабыхъ полковъ; Кютаію вовсе не была занята турецкими войсками. Послѣднія толпами и по-одиночкѣ переправлялись въ Европу черезъ Бос-

форъ и Гелеспонтъ. Сераскиръ всё свои надежды возлагалъ на трапезундскаго пашу, хотя и не имѣлъ никакихъ свѣдѣній ни о намѣреніяхъ, ни о дѣйствіяхъ этого паша.

Такъ какъ нечего было надѣяться на успѣхи въ Малой Азіи, то казалось бы, что турки должны были по крайней мѣрѣ позаботиться объ оборонѣ проливовъ; но и тутъ Муравьеву предстояло не мало труда пробудить ихъ къ дѣятельности. Онъ настаивалъ по прежнему на томъ, чтобы обезоружить восточные берега Босфора, потому что, овладѣвъ ими, египтяне могли затруднить сообщеніе Чернаго Моря съ Архипелагомъ. Сераскиръ обѣщалъ свезти только часть орудій съ батарей, чтобы не распространить страха между жителями, если бы сняты были всё пушки. вмѣстѣ съ разоруженіемъ батарей восточнаго берега, необходимо было усилить оборону западнаго берега, сосредоточить здѣсь на высотахъ, близъ Босфора, все войско, находившееся подъ рукою, а самую столицу Турціи занять только такимъ гарнизономъ, какой былъ необходимъ для сохраненія спокойствія. Получивъ отъ сераскира увѣреніе въ томъ, что всё эти предположенія будутъ приведены въ исполненіе, Муравьевъ 23-го декабря оставилъ Константинополь и отправился въ Александрію, для исполненія главной цѣли своей миссіи, свиданія съ Мегмедомъ-Али.

2-го января 1833 года нашъ посоль имѣлъ аудіенцію. Послѣ первыхъ привѣтствій и непродолжительнаго разговора, Муравьевъ спросилъ: желаетъ ли Мегмедъ-Али выслушать порученіе, съ которымъ онъ присланъ къ нему. Паша смѣшался, просилъ изложить сущность дѣла на бумагѣ, съ тѣмъ чтобы и онъ могъ отвѣчать письменно. Муравьевъ отказался, сказавъ, что императоръ, желая водворить миръ, поручилъ передать словесно, чтобы паша прекратилъ непріязненные дѣйствія и примирился съ султаномъ. Мегмедъ-Али замѣтилъ съ притворствомъ, что давно ищетъ мира, всегда желаетъ быть подданнымъ своего государя, но что султанъ отвергаетъ всё его предложенія. Тогда Муравьевъ предложилъ ему возобновить свои исканія. Мехмедъ изъявилъ согласіе; но прибавилъ, что султанъ къ нему несправедливъ, что его оклеветали въ газетахъ, просилъ дать время подумать и обѣщалъ изготовить письменный отвѣтъ. Однако отвѣта паша не присылалъ; онъ, напротивъ, подсылалъ къ Муравьеву своихъ приближенныхъ

съ цѣлю вывѣдать подробности порученія. Муравьевъ же настаивалъ на томъ, что вице-королю необходимо покориться султану и послать немедленно приказаніе Ибрагиму-пашѣ о пріостановленіи военныхъ дѣйствій.

„Я не для переговоровъ сюда пріѣхалъ — говорилъ Муравьевъ присланному отъ паша — и не могу входить въ какія-либо условія. Вы видите, какого рода это дѣло. Кажется, что пашѣ, которому должны быть извѣстны и средства Россіи и твердость государя, остается только согласиться на изъявленіе покорности и положиться на великодушіе его величества.

Мегмедъ-Али не отвѣчалъ на это ничего и не исполнялъ обѣщанія. Тогда Муравьевъ послалъ къ нему своего переводчика съ требованіемъ, чтобы паша или прислалъ отвѣтъ, или принялъ и выслушалъ его вторично. Мегмедъ-Али, отговариваясь нездоровьемъ, тянулъ время.

4-го января Муравьевъ имѣлъ второе свиданіе съ пашею и рѣшившись дѣйствовать энергически, сказалъ:

— „Государь желаетъ, чтобы вы немедленно прекратили кровопролитіе и покорились султану. Его величество не измѣнилъ мыслей своихъ послѣ отъѣзда Лавизона (нашего консула), и какіе бы ни были успѣхи ваши, если бы вы даже покорили Царьградъ, и если бы удалось вамъ свергнуть съ престола султана, то и въ такомъ случаѣ воля государя останется непоколебимою.“

— „Я никогда не думалъ свергать султана, отвѣчалъ встревоженный Мегмедъ-Али. Какъ мнѣ можно было это предпринять! Я никогда не переставалъ называть себя именемъ его бейдѣ (слуга) и довольно громко кричу о томъ, чтобы весь свѣтъ могъ слышать, а въ доказательство искренняго расположенія моего соответствовать видамъ государя, я сей же часъ прикажу остановить военныя дѣйствія.“

Паша дѣйствительно тутъ же велѣлъ своему секретарю написать сыну приказъ о немедленномъ прекращеніи военныхъ дѣйствій. Приказъ былъ вскорѣ принесенъ, подписанъ пашею и отправленъ. Мегмедъ-Али еще разъ увѣрялъ Муравьева, что покорится своему законному государю.

Муравьевъ, съ своей стороны, совѣтовалъ пашѣ послать къ султану довѣренное лице съ повинною. Но Мегмедъ-Али сталъ отговариваться тѣмъ, что не имѣетъ вокругъ себя людей способныхъ для исполненія подобнаго порученія. Чтобы поль-

стать Муравьеву, онъ оказалъ, что, по его убѣжденію, только одинъ русскій императоръ могъ быть истиннымъ повелителемъ мусульманъ и, между прочимъ, какъ бы вскользь, далъ понять, что признаетъ Египетъ державою независимою. — Муравьевъ возражилъ, что паша не можетъ полагаться на государя до тѣхъ поръ, пока не покорится султану.

— „Я кончу дѣло и пошлю къ султану съ повинною верховнаго визиря, сына своего и внука, и буду ему исправно платить дань“, отвѣчалъ вице-король.

Цѣль посылки Муравьева была, такимъ образомъ, достигнута. Между тѣмъ, по Александріи распространился слухъ о скоромъ прибытіи туда Галиля-паши, посланнаго султаномъ для переговоровъ съ Мегмедомъ-Али и для заключенія съ нимъ условій. Подтвердивъ справедливость этого слуха, паша разсуждался въ клятвахъ и обѣщаніяхъ, что покончитъ все миролюбиво, хвалился своими побѣдами и говорилъ, что у султана нѣтъ ни военачальниковъ, ни совѣтниковъ.

Пальба съ крѣпости и со всего египетскаго флота возвѣстила о прибытіи Галиля-паши. Въ то же время Муравьевъ готовился къ отплытію, но не могъ выйти въ море по причинѣ противныхъ вѣтровъ; а такъ какъ Галиль-паша не сообщилъ нашему посланному о своемъ прибытіи и даже не привезъ ему никакихъ бумагъ изъ Константинополя, то Муравьевъ и не считалъ нужнымъ запрашивать на свиданіе. Впослѣдствіи обнаружилось, что то были происки французской миссіи, принявшей на себя долю посредничества въ примиреніи султана съ египетскимъ пашею, и что Галиль-паша привезъ письмо французскаго посланника. Въ письмѣ значилось, что Порта просила французскую миссію принять на себя исключительно веденіе переговоровъ. Какъ ни страннымъ казалось это извѣстіе Муравьеву, но онъ не хотѣлъ искать объясненій съ Галилемъ-пашею и 11-го числа снялся съ якоря.

Въ столицѣ Турціи всѣ еще находились въ страхѣ и ожидали появленія авангарда египетскихъ войскъ. Султанъ, не ожидая возвращенія Муравьева изъ Александріи, просилъ нашего посла Бутенева послать за черноморскимъ флотомъ и ходатайствовать о присылкѣ отъ 20 до 30 тысячъ десантныхъ войскъ, Бутеневъ отправилъ съ этою просьбою нарочнаго въ Петербургъ. Министры Махмуда были однаго противъ присылки русскаго флота и русскихъ войскъ; особенно противился такой

мѣръ глава духовенства, вслѣдствіе чего султанъ смѣнилъ мѣсти и назначилъ другаго. Столь рѣшительная мѣра не во многомъ измѣнила положеніе дѣлъ. Министры Порты, зная, что Ибрагимъ-паша остановилъ наступательныя дѣйствія, стали отвергать необходимость помощи Россіи. Муравьевъ доказывалъ имъ, что обѣщанія вице-короля не могутъ служить вѣрною порукою, не дають еще ручательства въ продолженіи такого состоянія дѣлъ и предоставлялъ самимъ министрамъ опредѣлить: въ какомъ положеніи будетъ страна, если Мегмедъ-Али вздумаетъ продолжать военныя дѣйствія. Султанъ же говорилъ Муравьеву совсѣмъ другое: онъ просилъ и ожидалъ помощи, что однако не помѣшало рейсъ эфенди даже письменно (5-го февраля) сообщить Бутеневу просьбу объ отсрѣчкѣ прибытія нашего флота. Замѣчательно, что имя султана упоминалось въ этомъ отзывѣ только въ самомъ началѣ, а затѣмъ всѣ предложенія шли отъ имени Порты или „какой-то безличной власти“.

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда утромъ 8-го февраля появилась въ верховьяхъ Босфора русская эскадра, состоявшая изъ четырехъ кораблей, трехъ фрегатовъ, одного корвета и одного бригаа, и находившаяся подъ начальствомъ контръ-адмирала Лазарева.

Неожиданное появленіе нашей эскадры озадачило турокъ; тѣмъ не менѣе, въ тотъ же день явился къ Муравьеву посланный отъ султана съ изъявленіемъ благодарности за участіе, принимаемое русскимъ императоромъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ просьбою отправить эскадру въ Сизополь. Причиною было то, что французскій посоль грозилъ, если турки примутъ нашу помощь, уговорить Ибрагима-пашу возобновить наступательныя дѣйствія. Въ Тулонѣ, между тѣмъ, вооружалась эскадра для отправленія въ Левантъ.

Хотя на нашей эскадрѣ не было вовсе десантныхъ войскъ, но въ Константинополѣ распустили слухъ, будто въ трюмахъ судовъ скрыто 15,000 солдатъ. Слухъ этотъ имѣлъ ту хорошую сторону, что личность султана была обезпечена отъ возмущенія недовольныхъ.

Дѣло стало, однако, принимать раздражительный характеръ. Рейсъ-эфенди сообщилъ нашему посланику Бутеневу, что французскій посоль взялъ на себя окончаніе переговоровъ между Турціею и Египтомъ. Въ тоже время пущено было въ ходъ разглашеніе, будто французскій посоль выслалъ флотъ нашъ

изъ Босфора. Бутеневъ отвѣчалъ, что хотя онъ и не отказывается съ первымъ попутнымъ вѣтромъ возвратитъ эскадру въ Сизополь, но отвергаетъ всякое участіе въ этомъ дѣлѣ какого-либо посторонняго двора. Присланной ноты Бутеневъ не принялъ и отвѣчалъ, что отбытіе эскадры зависитъ отъ единой воли султана. Твердость Бутенева измѣнила поведеніе турецкаго правительства; рейсъ-эеенди, желая оправдаться, объявилъ, что нота была написана не имъ, а въ Портѣ. Между тѣмъ, Ибрагимъ-паша отправилъ въ Магнезію 500 египетскихъ всадниковъ, и, пользуясь неудовольствіемъ жителей Смирны, приказалъ своему агенту вступить въ управленіе городомъ. Такое насиліе побудило консуловъ европейскихъ дворовъ снять флаги и прекратить исполненіе своихъ служебныхъ обязанностей. Партія торговыхъ людей восторжествовала и присланный Ибрагимомъ агентъ былъ изгнанъ.

Смирнинское происшествіе послужило поводомъ къ созванію въ Константинополь государственнаго совѣта. Министры растерялись; султанъ также смутился; надѣялся на обѣщанія французскаго посла уладить дѣло.

Въ Петербургѣ, съ полученіемъ извѣстія о событіяхъ въ Смирнѣ, рѣшено было отправить десантъ, тѣмъ болѣе необходимый, что всѣ чиновники Порты были противъ султана и замыслили о его сверженіи. Положеніе дѣлъ становилось труднымъ и запутаннымъ, потому что западноевропейскія миссіи въ Константинополь интриговали противъ Россіи и старались отличиться на этомъ поприщѣ другъ передъ другомъ.

Нашъ флотъ все еще оставался въ Босфорѣ; генералъ Муравьевъ ожидалъ прибытія десантныхъ войскъ. Египетскій паша вооружался. Сынъ его Ибрагимъ стоялъ въ Кютаію, имѣя при себѣ пять полковъ пѣхоты, четыре полка кавалеріи и 24 орудія. Въ Коніи было столько же войскъ какъ и въ главной его квартирѣ; въ Сиріи оставались два или три полка пѣхоты. Ибрагимъ паша ожидалъ къ себѣ подкрѣпленій изъ Тарса.

Талейранъ пытался образовать союзъ съ Англіею противъ Россіи, но не успѣлъ въ томъ по стараніямъ Метерниха. Тогда оба двора, лондонскій и австрійскій, отправили въ Египетъ своихъ посланныхъ съ порученіями подобными даннымъ Муравьеву. Кромѣ того дворы эти поручали своимъ представителямъ при Портѣ дѣйствовать въ духъ Россіи. Французскій посланникъ продолжалъ свою оппозицію.

Вспомогательныя русскія войска состояли изъ двухъ колоннъ: одна для высадки въ Босфоръ, другая „для поддержанія способствъ обороны со стороны Константинополя“.

Первый отрядъ, изъ 2-й и 3-й бригадъ 26-й пѣхотной дивизіи съ ея артилерію, одной роты саперовъ 6-го батальона, 100 казаковъ и разныхъ нестроевыхъ командъ, находился подъ начальствомъ генерала Муравьева. Въ этомъ отрядѣ считалось 1 генераль, 242 штабъ и оберъ-офицера, 10,072 нижнихъ чиновъ, съ 24 орудіями.

Муравьеву предоставлялось дѣйствовать по усмотрѣнію, но ему было вмінено въ главнѣйшую обязанность „охраненіе Константинопольскаго пролива, содѣйствіе турецкимъ войскамъ и защита столицы султана, если бы она подвергалась опасности“.

Въ составъ втораго отряда были назначены: сводная бригада 17-й пѣхотной дивизіи, 25-я пѣхотная дивизія, часть 4-й уланской дивизіи, съ принадлежащею этимъ войскамъ артилерію, три роты саперовъ и нѣсколько полковъ казаковъ. Начальство надъ отрядомъ было поручено генераль-адъютанту Киселеву. Къ 20-му марта войска эти должны были сосредоточиться у Силистріи; по переправѣ же черезъ Дунай, Киселевъ имѣлъ приказаніе слѣдовать по западной части Булгаріи, черезъ Шумлу, и въ 32 дня прибыть въ Константинополь. По соединеніи десантнаго отряда съ сухопутнымъ, общимъ начальникомъ надъ войсками назначался генераль Киселевъ.

Настоянія французскаго посла побудили турецкое правительство снова просить объ удаленіи нашей эскадры изъ Босфора; но когда рейсъ-эфенди, пригласившій къ себѣ по этому поводу Муравьева и Бутенева, узналъ отъ нихъ, что сухопутныя войска уже выступили въ походъ, то не настаивалъ очень на удаленіи флота. Сераскиръ же, смекнувъ, что поздно бороться противъ „такихъ усиленныхъ мѣръ дружбы“, отвелъ мѣсто для лагеря русскихъ войскъ и обѣщалъ позаботиться объ ихъ здоровьи и продовольствіи. Еще большую предупредительность показалъ самъ султанъ. При свиданіи съ Муравьевымъ онъ обѣщалъ снабдить наши войска всѣмъ необходимымъ: палатками, лошадьми и подводами; обѣщалъ устроить госпитали и дать снарядовъ для артилеріи. Муравьевъ, поблагодаривъ султана, объявилъ, что войска снабжены всѣмъ необходимымъ, и не отказался только отъ доставки продовольствія.

Среди такихъ приготовленій получено было извѣстіе, что

Мегмедъ-Али не принялъ предложеній султана, что онъ требовалъ уступки всей Сиріи (султанъ уступалъ половину), надѣясь на поддержку Франціи; но въ это время французскій посоль уже потерялъ въ Константинополѣ значеніе и пересталъ вѣшываться въ дѣла рейсъ-эсенди, жалуясь Муравьеву на неумѣренныя требованія вице-короля. Турецкій министръ хлопоталъ теперь о скорѣйшемъ прибытіи нашихъ войскъ: онъ то хотѣлъ посылать парадъ въ Одессу, чтобы ускорить ихъ прибытіе, то колебался, боясь представителей европейскихъ дворовъ.

Но, рассчитывая на чужую помощь, правительство Порты оставляло безъ защиты Дарданелы. Замѣчательная безпечность, рядомъ со страхомъ за будущность, обнаружилась у всѣхъ вліятельныхъ лицъ. Сераскиръ былъ похожъ больше на шута, чѣмъ на военнаго министра. Свою дѣятельность онъ проявлялъ передъ Муравьевымъ въ продѣлываніи ружейныхъ приемовъ и въ разстановкѣ на столѣ шашекъ, изображавшихъ войска, объ устройствѣ которыхъ въ дѣйствительности не имѣлъ понятія и нисколько о нихъ не заботился.

Муравьевъ просилъ показать ему турецкіе полки; сераскиръ ихъ не показывалъ, а старался только вывѣдать образъ мыслей нашего генерала о предстоявшихъ дѣйствіяхъ. Само собою ризумѣется, что Муравьевъ находилъ лишнимъ раскрывать передъ сераскиромъ свои предположенія и тѣмъ ставилъ въ тупикъ всѣхъ турецкихъ сановниковъ, боявшихся, чтобы русскія войска не заняли Дарданелъ. Султанъ, въ свою очередь, поддавался вліянію то одного, то другаго, и, наконецъ, отправилъ въ Александрію новое предложеніе о мирѣ. Муравьевъ же, въ ожиданіи прибытія десанта, выбиралъ мѣсто для лагеря. Послѣ рекогносцировки, онъ рѣшился расположить войска на азіятскомъ берегу при Хуньяръ-Скелеси. Позиція, имъ избранная, была довольно выгодна: лѣвый флангъ ея занималъ самое большое возвышеніе—гору Великановъ; правый упирался въ проливъ; фронтъ обстрѣливался судами, которымъ стояло только спуститься внизъ по проливу. Впереди позиціи разстилалась обширная султанская долина, которую легко было обстрѣливать.

Первыя десантныя войска появились 23-го марта. 25-го марта Муравьевъ отправился на мѣсто высадки, куда поѣхалъ также и сераскиръ. Чтобы потѣшить старика, Муравьевъ пред-

ставилъ ему ординарцевъ, послѣ чего сераскиръ сталъ предлагать свои услуги самымъ предупредительнымъ образомъ. Къ 1-му апрѣля десантъ былъ весь высаженъ на берегъ при весьма неблагоприятной холодной погодѣ. Войска расположились въ нѣсколько линій. Правый флангъ задней линіи тянулся къ морю и упиралъ въ мысъ Сельви-Буриъ; лѣвый покрывалъ вершину горы Великановъ, ключа позиціи; передняя линія располагалась на уступахъ покатости, склонявшейся къ султанской долинѣ.

5-го апрѣля прибылъ въ лагерь турецкій отрядъ гвардіи, состоявшій изъ батальона пѣхоты, одного легко-коннаго эскадрона и 2 орудій. Отрядъ этотъ поступилъ подъ команду генерала Муравьева, точно также какъ и другой армейскій турецкій отрядъ, присланный сераскиромъ.

Принявъ начальство, генералъ Муравьевъ успѣшилъ собрать свѣдѣнія о намѣреніяхъ непріятеля и его силахъ. Оказалось, что въ Кютаіѣ были два полка пѣхоты, три кавалеріи, 300 арабскихъ всадниковъ и 32 орудія. Ожидали прибытія еще одного батальона пѣхоты, и отправляли назадъ тысячу чловѣкъ больныхъ. Ибрагимъ-паша готовился къ открытію военныхъ дѣйствій и наполнялъ магазины въ Кютаіѣ.

Опасаясь движенія Ибрагима къ Смирнѣ, Муравьевъ настаивалъ на укрѣпленіи дарданельскихъ береговъ и для руководства работами предлагалъ прислать офицеровъ. Требованіе его было исполнено, и съ нашей стороны отправленъ полковникъ Дюгамель, которому было приказано, между прочимъ, снять мѣстность и доносить обо всякихъ слухахъ, хотя бы они и казались ложными.

11-го апрѣля прибылъ въ лагерь второй десантъ русскихъ войскъ, состоявшій изъ третьей бригады 26-й пѣхотной дивизіи. Войска были перевезены на судахъ, составлявшихъ третью эскадру черноморскаго флота.

Послѣднія наши десантные войска появились на берегу въ то самое время, когда турецкое министерство получило отъ своего посланнаго увѣдомленіе, что Ибрагимъ-паша, не высказывая прямо своего желанія удержать за собою Адаву, требуетъ однако себѣ права назначать туда намѣстниковъ по своему выбору. Порта собрала совѣтъ, на которомъ положено было вызвать въ Константинополь уполномоченныхъ отъ Ибрагима, чтобы окончательно условиться относительно Адавы.

Султанъ же, независимо отъ совѣта, хотѣлъ открытія военныхъ дѣйствій, но не высказывалъ этого прямо, не будучи увѣренъ въ успѣшности наступательныхъ дѣйствій. Ибрагимъ-паша, хотя и готовъ былъ послать довѣренное лицо въ Константинополь, однако не отступалъ изъ Кютаіа, говоря, что останется тамъ до тѣхъ поръ, пока русскія войска будутъ въ турецкихъ владѣніяхъ. Въ это время уже было извѣстно, что въ Тенедосъ ожидалась французская эскадра изъ десяти судовъ прибывшихъ въ Смирну. Хорошо зная, что Порта не просила содѣйствія Франціи и сама затруднится дозволить появленіе французской эскадры въ Дарданелахъ, Ибрагимъ продолжалъ настойчиво требовать уступки Аданы. Въ двадцатыхъ числахъ апрѣля до Муравьева дошли слухи, что миръ былъ заключенъ на условіяхъ, предложенныхъ египтянами, съ уступкою Аданы и Тарса.

На запросъ Муравьева, справедливы ли эти слухи, сераскирь и муширь Ахметъ-паша отвѣчали утвердительно. Они прибавили, что султанъ недоволенъ миромъ, хотя и утвердилъ его, и что Ибрагимъ-паша дней черезъ пять или шесть непременно начнетъ отступленіе.

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда пушечные выстрѣлы со всѣхъ русскихъ судовъ, стоявшихъ въ Босфорѣ, возвѣстили о прибытіи въ Константинополь генераль-адъютанта графа Орлова, назначеннаго полномочнымъ посломъ при дворѣ султана и начальникомъ сухопутныхъ и морскихъ силъ въ Босфорѣ. Графъ Орловъ имѣлъ широкое полномочіе объявить „кому сочтеть за нужное, войну и, въ случаѣ надобности, открытъ военныя дѣйствія съ находившимися у него подъ рукою войсками“. Ему подчиненъ былъ и корпусъ генераль-адъютанта Киселева, не смотря на то, что послѣдній былъ старше въ чинѣ. Муравьевъ не скрываетъ, что прибытіе графа Орлова было для него не совсѣмъ пріятно, и что онъ (т. е. Киселевъ) хотѣлъ вовсе удалиться отъ дѣлъ, но былъ обласканъ графомъ и рѣшился служить.

Египтяне, между тѣмъ, не отступали; Ибрагимъ-паша занялъ Кесарію, вовсе не лежавшую на пути отступленія его въ Сирію, и простоялъ здѣсь до 10-го мая, когда получено было извѣстіе, что онъ началъ отступательное движеніе.

Графъ Орловъ отправилъ штабсъ-капитана Ливена, а тур-

ки одного полковника для слѣдованія за Ибрагимомъ-пашею до таврскихъ тѣсинъ.

Миръ былъ заключенъ и заявленъ въ видѣ прощенія возставшему, такого прощенія, по которому султанъ потерялъ двѣ области, Сирію и Адаву.

Хотя десантный отрядъ и исполнялъ свое главное назначеніе, но Муравьевъ, зная двуличность египетскаго паши, не прекращалъ своихъ распоряженій по продовольствію войскъ и заготовленію военныхъ запасовъ. Его распоряженіями войска были обезпечены продовольствіемъ на сто дней.

6-го іюня войска наши начали готовиться къ возвращенію въ Россію. Ихъ приказано было высадить въ Феодосію и выдержать въ карантинѣ. Утромъ 28-го іюня эскадра снялась съ якоря и съ салютаціонными выстрѣлами вышла изъ Босфора. О пребываніи нашихъ полковъ въ турецкихъ владѣніяхъ, какъ защитниковъ султана, свидѣтельствуемъ поставленный на берегу Босфора памятникъ съ надписями русскою и турецкою.

Изложивъ въ общихъ чертахъ содержаніе въ высокой степени интересныхъ записокъ Н. Н. Муравьева, обращаемъ вниманіе нашихъ читателей на это замѣчательное явленіе въ русской военной литературѣ. Оно замѣчательно не только какъ капитальный матеріалъ для исторіи царствованія императора Николая, но и какъ живая, писанная съ натуры, картина тогдашняго положенія дѣлъ на Востокъ и историческихъ личностей, съ которыми авторъ имѣлъ сношенія.

Общественное воспитаніе въ Россіи. Э. Уманца. *Дрезденъ. 1867.*

Заглавіе книги показываетъ, что предметъ, въ ней обсуждаемый, не чуждъ библиографической хроникѣ „Военнаго Сборника“; ближайшее же знакомство съ трудомъ г. Уманца обнаружитъ, что вопросъ, возбужденный авторомъ, касается военныхъ читателей не только въ общности, какъ членовъ гражданской семьи, но и въ частности, какъ представителей особаго сословія, образующаго одинъ изъ государственныхъ элементовъ.

Авторъ говоритъ: „Часто слышны у насъ жалобы на недостатокъ энергіи и талантовъ въ русской жизни, на религиозный индеферентизмъ образованнаго класса, на шаткость нашихъ

убѣжденій и на равнодушіе русскаго народа къ общественной дѣятельности. Но напрасно стали бы относить все это къ природнымъ свойствамъ русскаго ума. Родина Петра Великаго и его сподвижниковъ не можетъ быть обвинена въ недостаткѣ энергіи; народъ, ознаменовавшій свою исторію „въномъ Екате-рины“, не долженъ терпѣть недостатка въ талантахъ; народъ, воспитавшій поколѣнія Курбскаго, Острожскаго, Минина, нельзя обвинить ни въ религіозномъ индифферентизмѣ, ни въ равнодушіи къ общественной дѣятельности....“

Гдѣ же источникъ тѣхъ печальныхъ явленій современнаго русскаго общества, которыя возбуждаютъ жалобы со стороны людей мыслящихъ, русскихъ по уму и сердцу? Авторъ, не колеблясь, отвѣчаетъ, что одна изъ главныхъ причинъ современной духовной нищеты нашей общественной и политической жизни заключается въ системѣ нашего общественнаго воспитанія. Если вспомнить, говоритъ онъ, что между общественнымъ воспитаніемъ и народною жизнію существуетъ полнѣйшая аналогія—а этой истины никто не опровергнетъ, потому что школа всегда была и будетъ резервуаромъ народныхъ силъ—то надобно будетъ согласиться, что всѣ недостатки нашей общественной жизни коренятся въ школѣ и что исторія народа являетъ здѣсь свою неумолимую послѣдовательность. Въ теченіе полутора ста лѣтъ, русское общественное воспитаніе было направляемо къ тому, чтобы „обезличить образованный класъ русскаго народа, порвать (заглушить?) въ немъ чутье народнаго историческаго развитія, сдѣлать изъ него нѣмецкаго чиновника, французскаго маркиза или пародію англійскаго землевладѣльца“.... Если этотъ класъ русскаго народа не сдѣлался ни тѣмъ, ни другимъ, то, по мнѣнію автора, причину должно искать или въ особенностяхъ русской природы (сѣрое небо, безпредѣльная и однообразная даль....), или въ томъ счастли-вомъ обстоятельстве, что русскій человекъ хотя вообще и „плохо скроенъ, да крѣпко сшитъ“.

Далѣе авторъ развиваетъ мысль, что именно теперь, въ переживаемую нами эпоху знаменательныхъ преобразованій, слѣдуетъ дать коренную реформу и нашему общественному воспитанію. Начала децентрализаціи, самоуправленія и личной свободы, вносимыя нынѣ въ жизнь русскаго народа, должны вызвать соотвѣтствующія явленія и въ системѣ русскихъ учебныхъ заведеній. Иначе—прибавляетъ онъ—или общественное

воспитаніе будетъ идти въ разладъ съ требованіями общественной жизни, или самая благодѣтельная реформа заглохнетъ среди неспособнаго поддержать ее общества.

Такимъ образомъ, авторъ смотритъ на наши учебныя заведенія, какъ на политическія учрежденія отечества, которымъ ввѣрены и будущность вносимыхъ въ современную русскую жизнь преобразованій, и частные интересы безчисленнаго множества семействъ, и вся судьба русскаго народа. Въ такомъ смыслѣ онъ и разсматриваетъ наше общественное воспитаніе и, указывая на его недостатки, старается рядомъ щегольски изложенныхъ и искусно подобранныхъ доводовъ рѣшить вопросъ: каково должно быть русское воспитаніе, при какихъ условіяхъ возможна его рациональная постановка и что должно служить ему основой?

Прежде всего г. Уманецъ является восторженнымъ поклонникомъ англійской системы воспитанія, по его мнѣнію единственно-разумной и оправданной исторіей. Въ подтвержденіе своей мысли, онъ представляетъ очеркъ этой системы, о которой впрочемъ не разъ и прежде было говорено въ нашихъ повременныхъ изданіяхъ и изданы даже „Письма объ англійскомъ воспитаніи“, переведенныя съ нѣмецкаго. Отмѣтимъ главныя черты англійскаго воспитанія. Англійское воспитаніе стремится къ образованію въ человѣкѣ характера, а не къ одному механическому обученію, и достигаетъ цѣли двумя путями: ученіемъ и школьной обстановкой. Въ англійскихъ школахъ учатъ немногому, но это немногое выбрано такъ хорошо, изучается такъ основательно, что для каждаго воспитанника служитъ прочною основой образованія. Въ англичанинѣ-ребенкѣ школа всегда уважаетъ человѣка и не требуетъ отъ него невозможнаго. Снисхожденіе къ человѣческимъ слабостямъ доходитъ здѣсь до того, что отъ мальчиковъ, неспособныхъ, напримѣръ, къ математикѣ, требуется меньше чѣмъ отъ способныхъ. Въ Англійи и надъ школою господствуетъ контроль общественнаго мнѣнія, и въ школахъ преобладаетъ такая же законность, какъ и въ частной жизни. Оттого воспитанники англійскихъ школъ отличаются чувствами джентльмена, любовью къ родинѣ, уваженіемъ человѣка въ другомъ и самоуваженіемъ, основаннымъ на чувствѣ исполненнаго долга.

Ту же идею, какъ и школы, преслѣдуютъ и университеты, которые въ Англійи суть заведенія воспитательныя, основанныя

на колегіяльному устройствѣ, вслѣдствіе чего положеніе англійскаго студента гораздо стѣсненнѣе положенія студентовъ на континентѣ. Этому обстоятельству, т. е. разумному ограниченію свободы юноши, какъ неполноправнаго гражданина и правильному образу жизни, авторъ приписываетъ отсутствіе въ англійскихъ университетахъ распущенности нравовъ: строгость колегіяльныхъ обычаевъ, надзоръ декана и тьюторовъ (репетиторовъ), общій столъ, общая молитва предохраняють молодежь отъ пагубныхъ увлеченій.

Автору нравится въ особенности то, что англичане избирають себя какую-либо спеціальность не въ ранней юности, не въ шестнадцать или семнадцать лѣтъ, а въ болѣе зрѣломъ возрастѣ, и тѣмъ избавляютъ себя отъ произвольныхъ ошибокъ и насилія надъ своей природой. Онъ обращаетъ также вниманіе на то, что въ Англій нѣтъ заведеній, гдѣ дѣти получали бы спеціальное образованіе, и что отъ этого вовсе не страдаютъ государственные интересы страны. „Развѣ ея офицеры уступаютъ воспитанникамъ кадетскихъ корпусовъ?“ спрашиваетъ г. Уманецъ.—„Англія“—продолжаетъ авторъ—„обязана своей гражданской и военной славой не спеціальнымъ заведеніямъ, а духу просвѣщеннаго патріотизма, почерпаемому ея гражданами въ гуманности учрежденій ихъ родины, въ особенности въ народномъ (національномъ?) воспитаніи. Если бы это было не такъ, лордъ Веллингтонъ не сказалъ бы, что онъ выигралъ въ Итонѣ ватерлооскую битву. Итонская колегія не кадетскій корпусъ. Въ ней не читають ни тактики, ни фортификаціи. Но воспитаніе, получаемое въ Итонѣ, образовываетъ англійскій характеръ и развиваетъ англійскій умъ, которымъ было суждено побѣдить Наполеона.... Получить военное образованіе во всякое время нетрудно для человѣка, призваннаго на эту дорогу, потому что изучить тактику и фортификацію никогда не поздно. Къ чему же съ дѣтства вести человѣка по извѣстной спеціальной дорогѣ?“

Несочувствіе къ спеціальнымъ, и особенно военнымъ, учебнымъ заведеніямъ увлекло автора за предѣлы строгой истины. Это тѣмъ прискорбнѣе, что весь трудъ г. Уманца отличается несомнѣнными признаками ума образованнаго, честныхъ убѣжденій, разумнаго патріотизма и искренняго желанія добра отечеству. Автору, очевидно, коротко знакома англійская система воспитанія и образованія; какъ же могло остаться ему неиз-

вѣстнымъ, что въ Англіи есть военно-учебныя заведенія, и *притомъ спеціальныя изъ спеціальныхъ?* Какъ могъ онъ не знать, что, послѣ крымской войны, британское правительство, убѣдившись въ крайней несостоятельности всей своей военной системы, обратило вниманіе именно на болѣе современное устройство военныхъ школъ, какъ на разсадникъ свѣдущихъ офицеровъ, что оно приступило къ коренному преобразованію этихъ школъ и для того учредило постоянный совѣтъ военнаго воспитанія, подчиненный военному министру?... Если бы, по словамъ автора, можно было изучить фортификацію, артилерію и тактику самоучкою, по-дилетантски, то англичанамъ не предстояло бы надобности ни въ вуличской академіи, приготовляющей инженеровъ и артилеристовъ, ни въ сандгерстскомъ военномъ коллегіумѣ, предназначенномъ для образованія пѣхотныхъ и кавалерійскихъ офицеровъ, ни въ школѣ главнаго штаба, гдѣ готовятся офицеры къ служебнымъ обязанностямъ генеральнаго штаба. Разъ ступивъ на путь реформъ по военному вѣдомству, британское правительство убѣдилось наконецъ въ невозможности имѣть въ арміи исключительно офицеровъ-аристократовъ (родовыхъ и денежныхъ), покупающихъ себѣ чины. До крымской войны, молодые люди изъ знатныхъ и богатыхъ семей поступали въ вуличскую академію безъ экзамена, единственно по протекціи начальника академіи, и уже по внесеніи въ списокъ были, формы ради, подвергаемы мнимому испытанію. Теперь не то. Молодые люди (отъ 16 до 20 лѣтъ), желающіе поступить въ академію, обязаны выдержать предварительный экзамень, и пріемъ ихъ производится по конкурсу; по окончаніи же курса (черезъ два съ половиною года) подвергаются испытанію посторонними учеными, и лучшіе по успѣхамъ ученики освобождаются отъ платежа за офицерскія мѣста. Такой же порядокъ принять и въ остальныхъ двухъ военныхъ училищахъ, въ сандгерстскомъ коллегіумѣ и въ школѣ главнаго штаба. Нѣтъ сомнѣнія, что въ болѣе или менѣе скоромъ будущемъ падетъ сама собою и покупка офицерскихъ чиновъ, не имѣющая, въ наше время, смысла и, скажемъ прямо, оскорбительная для военнаго мундира. Даже и теперь покупающіе офицерскія мѣста въ арміи обязаны держать экзамень.

Не во гнѣвъ будь сказано автору: какъ бы ни былъ блистательно образованъ молодой человекъ, посвящающій себя военному званію, какими бы классическими познаніями онъ ни

обладалъ, онъ не можетъ быть хорошимъ офицеромъ безъ спеціального военнаго образованія. Примѣръ Веллингтона, выбранный авторомъ какъ бы въ видѣ неопровержимаго аргумента, этотъ примѣръ не доказываетъ, напротивъ, ничего въ пользу нендобности военно-учебныхъ заведеній. Веллингтонъ родился полководцемъ, и общее образованіе, полученное имъ въ аристократическомъ итонскомъ коллегіумѣ, могло только послужить основою при дальнѣйшемъ развитіи его военныхъ дарованій въ теоріи и на практикѣ. Complimentъ же, высказанный имъ, по поводу Ватерлоо, мѣсту своего воспитанія, и останется комплиментомъ — не болѣе. Если бы Веллингтонъ жилъ въ наше время, то навѣрное нашелся бы вынужденнымъ довершить свое общее образованіе, полученное имъ въ Итонѣ, спеціально-военнымъ въ томъ или въ другомъ военно-учебномъ заведеніи Англіи.

Авторъ говоритъ, что воспитаніе, получаемое англійскими юношами въ аристократическомъ Итонѣ, образовываетъ англійскій характеръ и развиваетъ англійскій умъ, *которымъ было суждено побѣдить Наполеона*. Этимъ опять онъ хочетъ вѣроятно сказать, что въ спеціальномъ военномъ образованіи нѣтъ особенной надобности и что, не учась въ военномъ училищѣ, можно побѣждать гениальныхъ полководцевъ. Охотно вѣримъ, что система воспитанія въ итонскомъ коллегіумѣ содѣйствуетъ образованію характера и развитію ума, вѣримъ потому, что такова должна быть задача всякаго порядочнаго воспитательно-учебнаго заведенія; но мы не вѣримъ, чтобы *именно англійскому уму и англійскому характеру суждено было побѣдить Наполеона*.... Такое заявленіе несогласно съ историческою правдою. Не англичане побѣдили Наполеона; не они расторгли цѣпи позорнѣйшаго рабства, наложенныя Бонапартомъ на западную Европу: эта высокая честь, эта безсмертная, мировая заслуга принадлежатъ всецѣло русскому народу. Безъ Бородина и пожара Москвы не было бы Ватерлоо.... И не при Ватерлоо былъ сраженъ грозный исполинъ: здѣсь онъ былъ только добитъ, наказанъ за запоздалую попытку поправить свое проигранное дѣло; смертельный же ударъ поработителю царствъ и народовъ былъ данъ на снѣжныхъ равнинахъ нашего дорогаго отечества. Англичане, въ борьбѣ съ Наполеономъ, не столько проливали свою кровь, сколько сыпали деньгами для образованія коалицій, и боролись они не ради свободы пора-

божественнаго человечества, а единственно и исключительно для своихъ меркантильныхъ интересовъ. Англичане, сами по себѣ, не поднялись бы на освобожденіе Германіи, не начали бы войны въ предѣлахъ Франціи, если бы императоръ Александръ, выгнавъ Наполеона изъ предѣловъ своего царства, согласился на предложенный ему выгодный миръ. Пора намъ перестать пѣть съ голосу иноземныхъ историковъ и смотрѣть на міровыя событія, въ которыхъ русскій народъ принималъ столь славное участіе, прямо, своими глазами. Въ этомъ нѣтъ квасного патриотизма; тутъ есть только вѣковѣчная истина: *каждому свое*.

Въ дальнѣйшихъ порицаніяхъ своихъ системы спеціальнаго воспитанія, преимущественно въ Россіи, авторъ доходитъ до такихъ удивительныхъ выводовъ, что мы иначе не можемъ назвать ихъ, какъ колоссальными абсурдами. Онъ спрашиваетъ:

„Не спеціальныя ли военно-воспитательныя заведенія, при чрезвычайномъ обиліи войскъ, привели Россію къ потерямъ крымской кампаніи?“

Вѣрить не хочется, чтобы человѣкъ съ такимъ многостороннимъ образованіемъ, какимъ являетъ себя г. Уманецъ въ своемъ трудѣ, могъ сказать подобную нелѣпость. Чѣмъ же были виноваты наши военно-учебныя заведенія въ неудачахъ крымской войны? Не думалъ ли авторъ поставить на видъ, что бывшіе кадетскіе корпуса выпускали неудовлетворительныхъ для нуждъ арміи офицеровъ, не образовывали способныхъ военачальниковъ? Но такой приговоръ огуломъ былъ бы, во-первыхъ, несправедливъ, потому что бывшіе кадетскіе корпуса дали Россіи много даровитыхъ и полезныхъ военныхъ дѣятелей; во-вторыхъ, число офицеровъ, получавшихъ воспитаніе и образованіе въ кадетскихъ корпусахъ, ограничивалось относительно столь малою цифрою, что они составляли менѣе третьей части того контингента, который ежегодно требовался для пополненія офицерскихъ мѣстъ. Не воображаетъ-ли авторъ, что крымская кампанія была бы выиграна нами, если бы мы не имѣли спеціальныхъ военно-учебныхъ заведеній?... Изъ уваженія къ нему мы не позволяемъ себѣ допустить столь противной здравому смыслу догадки. Мы хотимъ, напротивъ, думать, что г. Уманцу извѣстны истинныя причины неудачъ, претерпѣнныхъ нами въ послѣднюю войну съ оподчившимися противъ насъ западными державами, но что въ жару увлеченій онъ забылъ эти причины, и, преслѣдуя спеціальность образо-

ванія, сложили вину на военно-учебныя заведенія, ни въ чемъ неповинныя.

За исключеніемъ односторонняго, и потому должнаго, взгляда на значеніе спеціальныхъ учебныхъ заведеній, многія разсужденія автора объ общественномъ воспитаніи достойны серьезнаго вниманія педагоговъ. Примѣнимы-ли предлагаемыя имъ мѣры къ системѣ русскаго воспитанія, могутъ-ли наши университеты, лицея и гимназіи быть образованы по нормѣ автора, это вопросъ сложный и спорный; но трудно не согласиться съ слѣдующими мыслями г. Уманца:

„Чтобы быть органомъ народнаго самосовершенствованія, русская школа должна сроднить каждое новое поколѣніе со всей народной жизнью: ея страданіями и прирожденной исторической идеей, ея славой и горемъ. Она должна научить его понимать величіе судебъ русской земли, даже въ поучительномъ безобразіи нѣкоторыхъ ея свойствъ и историческихъ моментовъ. Школа должна научить своихъ питомцевъ любить не только славу русской земли, но и ея мученичество....“

Много дѣльнаго высказалъ г. Уманецъ и по поводу несночаемыхъ споровъ о классическомъ и реальномъ воспитаніи. На вопросъ: какое воспитаніе лучше, реальное или классическое? онъ отвѣчаетъ такъ: „воспитаніе не можетъ быть не классическимъ, но всякое классическое воспитаніе непременно бываетъ реально“. Этимъ реализмомъ классическаго воспитанія авторъ объясняетъ, почему англичанинъ въ двадцать лѣтъ *знаетъ* меньше чѣмъ нѣмецъ или русскій того же возраста, и почему въ тридцать лѣтъ англичанинъ *сдѣлаетъ* гораздо болѣе, чѣмъ нѣмецъ въ тридцать пять лѣтъ, а русскій во всю жизнь.

Постановка учебной части въ пруской военной академіи. С.-Петербургъ. 1868.

Эта небольшая брошюра представляетъ извлеченіе изъ инструкціи, изданной въ Берлинѣ въ настоящемъ году, и напечатана по распоряженію нашей академіи генеральнаго штаба.

Наши читатели отчасти уже знакомы съ учебною системою прусской военной академіи изъ статей г. Леера „генеральный штабъ и его комплектованіе въ Пруссіи и во Франціи“. А потому, не касаясь основаній, обуславливающихъ преподаваніе отдѣльныхъ предметовъ въ прусской военной академіи,

пользуясь настоящей брошюрой, скажемъ нѣсколько словъ собственно по поводу испытанія офицеровъ при поступленіи ихъ въ прусскую военную академію.

„При приѣмѣ офицеровъ въ академію постановлено требовать отъ нихъ знанія только тѣхъ предметовъ, которые обязательны на экзаменахъ при производствѣ въ портупей-юнкера и въ офицеры, но при этомъ каждый экзаменующійся долженъ доказать:

„1) что онъ обладаетъ достаточными способностями и умственнымъ развитіемъ для успѣшнаго прохожденія академическаго курса и

„2) что познанія, требуемыя при производствѣ въ портупей-юнкера и офицеры, сохранились у него свѣжо въ памяти.“

При этомъ, для испытанія офицеровъ, готовящихся къ поступленію въ академію, постановлены слѣдующія правила:

„1) При каждомъ испытаніи какъ въ военныхъ, такъ и въ общеобразовательныхъ предметахъ, обязательно представленіе работы на заданную тему, при чемъ испытуемый, подъ надлежащимъ надзоромъ, занимается безъ всякой посторонней помощи.

„2) для того, чтобы можно было вѣрнѣе судить о способностяхъ экзаменующагося, допускается представленіе самостоятельныхъ сочиненій, написанныхъ въ продолженіи службы.

„3) для подобныхъ сочиненій ежегодно предлагаются особыя темы экзаменными комиссиями и выборъ изъ нихъ представляется желанію каждаго.

„4) при всѣхъ предлагаемыхъ на экзаменахъ вопросахъ ставить ихъ такъ, чтобы испытуемый имѣлъ возможность выказать способность группировать извѣстные ему факты и дѣлать общіе выводы изъ ряда сужденій.

„5) Вопросы изъ специально-военныхъ предметовъ не должны выходить изъ предѣловъ программы, предназначенной для производства въ офицеры, но испытуемый долженъ доказать, что свѣдѣнія, требуемыя этою программой, имъ хорошо усвоены и потому изъ означенныхъ предметовъ не допускаются отмѣтки менѣе „вполнѣ удовлетворительной.“ Только въ черченіи допускается нѣкоторое послабленіе, но и оно должно выкупаться отличными отмѣтками въ другихъ предметахъ.

„6) изъ общеобразовательныхъ предметовъ требованія ограничиваются программой, установленною для экзаменующихся

при производствѣ въ портупей-юнкера, и испытуемый долженъ получить отмѣтку по меньшей мѣрѣ „вполнѣ-удовлетворительную.“ Если же въ какомъ либо одномъ общеобразовательномъ предметѣ экзаменующійся получить отмѣтку нѣсколько ниже удовлетворительной, то можетъ быть принятъ въ академію лишь въ такомъ случаѣ, когда на основаніи представленнаго имъ сочиненія или письменной работы (о которой было говорено во 2-мъ пунктѣ) коммисія заключить, что онъ обладаетъ по одному изъ главныхъ отдѣловъ знаній: математическихъ, историческихъ или языковѣднія, познаніями превышающими требуемая, и когда за таковую работу онъ получилъ „хорошую“ отмѣтку.

„7) когда экзаменующійся не удовлетворитъ требованіямъ по нѣкоторымъ отдѣльнымъ вопросамъ изъ установленной программы, но сочиненіе его ясно указываетъ на его выдающіяся способности, на логическую послѣдовательность его ума, на его умѣніе точно и ловко выражать свои мысли и вслѣдствіе того есть точное основаніе полагать, что экзаменующійся можетъ съ успѣхомъ слѣдить за академическимъ курсомъ, то экзаменной коммисіи предоставляется право ходатайствовать объ опредѣленіи его въ академію.

„8) отмѣтокъ для оцѣнки отвѣтовъ на экзаменъ пять: отлично, хорошо, удовлетворительно, неудовлетворительно, совсѣмъ неудовлетворительно, соответствующія при сравненіи и складываніи нѣсколькихъ атестацій числамъ: 9, 7, 5, 3 и 1.“

Приведа вышеназложенныя правила, замѣтимъ, что при испытаніи офицеровъ, поступающихъ въ нашу академію генеральнаго штаба также соблюдаются ровносильныя правила, хотя быть можетъ и не столь опредѣленно регламентированныя. Но при этомъ считаемъ нужнымъ упомянуть, что, сколько извѣстно, размѣры требованій пріемнаго экзамена въ нашу академію не строго согласованы съ курсами нашихъ военно-учебныхъ заведеній. Хотя мы не видимъ въ этомъ большаго недостатка, но казалось, было бы болѣе цѣлесообразно установить извѣстную ответственность между курсами военно-учебныхъ заведеній и требованіями пріемнаго экзамена въ академію.

Гораздо болѣе значенія мы придаемъ тѣмъ мѣрамъ, которыя бы, до извѣстной степени, служили ручательствомъ, что поступающій въ академію офицеръ принадлежитъ къ числу высоко нравственныхъ людей. Академія, въ первое время, не

въ состояніи сама опредѣлить личность „новичка“, а потому рекомендація, возлагаемая на начальниковъ войсковыхъ частей, приобретаетъ большое значеніе. Въ этомъ отношеніи мы готовы желать, кромѣ нынѣ существующихъ аттестацій, — возможно точныхъ отзывовъ объ офицерахъ, желающихъ поступить въ академію непосредственныхъ начальниковъ отдѣльныхъ войсковыхъ частей, подъ контролемъ окружныхъ штабовъ, которые обязаны всесторонне ознакомиться съ офицеромъ, допускаемымъ къ приѣмному экзамену въ академію.

Вѣдь случается, — хоть и рѣдко, но случается, — что въ академію стараются поступить такіе офицеры, которые, по какимъ либо особымъ обстоятельствамъ, принуждены оставить свое прежнее мѣсто служенія. Между тѣмъ, понятно, академія желаетъ видѣть въ своихъ стѣнахъ во всѣхъ отношеніяхъ лучшихъ офицеровъ.

Чертежи къ уставу ротнаго ученя.

Чертежи къ уставу ротнаго ученя изданы корпуса топографовъ, поручикомъ Гомилевскимъ, въ числѣ 47, на 10 листахъ обыкновеннаго формата, брошюрованныхъ въ видѣ тетради.

Каждый чертежъ сдѣланъ въ такомъ размѣрѣ и съ такою подробностью, что на немъ ясно обозначены мѣста всѣхъ офицеровъ, унтеръ-офицеровъ и почти cadaго рядоваго, находящихся въ извѣстномъ строѣ. При томъ, показаны переходы изъ одного вида строя въ другой, такъ что можно слѣдить въ подробности за перестроеніями; на чертежѣ обозначены: первоначальное положеніе фронта, ходъ перестроенія и окончательное положеніе. Сверхъ того, къ каждому чертежу приложенъ краткій текстъ устава со всѣми командными словами.

Главный комитетъ по устройству и образованію войскъ и военно-ученый комитетъ при главномъ штабѣ, по разсмотрѣніи чертежей, призналъ ихъ весьма полезными.

Атласъ чертежей, изданныхъ главнымъ инженернымъ управленіемъ для руководства при составленіи проектовъ.

Самое названіе этого весьма полезнаго изданія инженернаго вѣдомства показываетъ на его спеціальность, но при этомъ, спеціальность, представляющую большую связь съ бытомъ войскъ и съ ихъ хозяйственными интересами.

Атласъ образцовыхъ чертежей издается въ виду недостатка техническихъ пособій по строительной части въ нашей спеціальной литературѣ; недостатокъ, который не устраняется иностранными изданіями подобнаго рода, такъ какъ оныя, весьма понятно, не всегда могутъ служить руководствомъ при проектированіи разнаго рода построекъ у насъ; климатическія особенности, иныя условія и требованія при возведеніи разнаго рода зданій, особенно предназначаемыхъ для войскъ, обуславливаютъ извѣстную степень самобытности нашей архитектуры.

Въ этихъ видахъ, для облегченія составителей проектовъ, въ особенности въ инженерномъ вѣдомствѣ, по мысли товарища Его Императорскаго Высочества генераль-инспектора по инженерной части генераль-адъютанта Э. И. Тотлебена, еще въ 1864 г., въ главномъ инженерномъ управленіи приступлено было къ составленію атласа образцовыхъ чертежей, програма которыхъ начертана весьма широко и обнимаетъ всѣ детали обыкновенныхъ построекъ, а также разнаго рода воинскія зданія и часть фортификаціонныхъ построекъ. Атласъ этотъ будетъ состоять изъ *шести частей*, а именно: часть I—детали строеній; часть II—казармы; часть III—лазареты и госпитали; часть IV—магазины, склады и разныя службы; часть V—тюрьмы, и VI—фортификаціонныя постройки.

Съ разрѣшенія Его Императорскаго Высочества генераль-инспектора по инженерной части, въ 1866 году было приступлено къ литографированію чертежей, предварительно составленныхъ особой строительной комиссіей, и рассмотрѣнныхъ и одобренныхъ техническимъ комитетомъ главнаго инженернаго управленія.

Въ настоящее время изданы чертежи, входящіе въ составъ I части, а также IV части. Такъ какъ I часть заключаетъ въ себѣ чертежи деталей строеній, а именно: печи и отведеніе пара, полы, окна и двери, стропила, карнизы, кровли, заборы; подземныя трубы, помойныя ямы и лѣстницы — болѣе интересныя для спеціалистовъ-строителей,—то мы не будемъ останавливаться на ней, а скажемъ нѣсколько словъ о IV части.

Эта часть заключаетъ въ себѣ слѣдующіе отдѣлы: 1) провіантскіе магазины; 2) сараи; 3) конюшни; 4) бани и 5) ледники.

Къ числу чертежей *провіантскихъ магазиновъ* принадлежатъ: каменный провіантскій магазинъ для храненія 21,500 четвертей

провіанта съ поперечными и продольными разрѣзами онаго и съ планомъ расположенія фундамента; деревянный балаганъ для храненія 5,500 четвертей провіанта съ деталями онаго.

Чертежи *сараявъ* всѣ примѣнены для потребностей осадныхъ инженерныхъ парковъ, что, впрочемъ, не мѣшаетъ служить подобнымъ сараямъ и для другихъ назначеній.

Конюшни: Фосадъ и планъ каменной конюшни для двухъ взводовъ армейской конной батареи; разрѣзъ каменной конюшни съ глинобитнымъ поломъ; деревянная конюшня для одного полувскадрона дѣйствующаго кавалерійскаго полка; часть фасада и разрѣзъ деревянной конюшни.

Было бы весьма полезно, чтобы проекты конюшенъ для артилеріи и кавалеріи были оцѣнены специалистами, по возможности, съ точки зрѣнія удобства для внутренней службы, а также въ гигиеническомъ отношеніи.

Бани: Госпитальныя каменные и деревянные бани. Казалось бы, что въ виду значенія этого рода построекъ для русскаго солдата, слѣдовало бы обратить вниманіе не на одни только госпитальныя бани, подчиняющіяся инымъ условіямъ и требованіямъ, а коснуться проектовъ самыхъ простыхъ и незатѣливыхъ бань для войскъ; извѣстно, что при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ квартированія, бани не рѣдко вкривь и вкось сооружаются самими солдатами, безъ всякихъ указаній строительнаго искусства.

Ледники, о которыхъ можно сказать тоже самое въ отношеніи большей простоты устройства; здѣсь проектированы: деревянный ледникъ при офицерскихъ квартирахъ для 12-ти семействъ; деревянный ледникъ, прикрытый землею и каменные ледники.

Вообще, позволимъ себѣ замѣтить, что при составленіи образцовыхъ чертежей для проектовъ, слѣдуетъ руководствоваться самой строгой простотой: этого требуетъ необходимая простота солдатскаго быта и еще болѣе необходима экономія въ денежныхъ средствахъ на постройку зданій, въ которыхъ такъ нуждается наша армія.

Въ ожиданіи выхода остальныхъ частей „Атласа“, представляющихъ еще болѣе болѣе интересъ для войскъ и военнаго дѣла, чѣмъ рассмотрѣнные — пожелаемъ, чтобы инженерное вѣдомство не обошло въ своемъ весьма полезномъ изданіи: *отхожія мѣста*, а также весьма важный для войскъ отдѣлъ: *латерныя постройки*.

При составленіи чертежей этого рода построекъ, по нашему мнѣнію, было бы весьма полезно составить чертежи всѣхъ необходимыхъ построекъ, принять въ соображеніе различные строительные матеріалы: камень и кирпичъ, дерево, глинобитные матеріалы, и даже плетень. Центральное управление инженернаго вѣдомства, обладающее богатымъ запасомъ разнообразныхъ и притомъ современныхъ свѣдѣній по строительной техникѣ, подобными указаніями, безъ сомнѣній, можетъ весьма помочь частнымъ усиліямъ окружныхъ управленій и самихъ войскъ въ дѣлѣ возведенія тѣхъ или другихъ войсковыхъ построекъ.

Въ заключеніе пожелаемъ, чтобы „Атласъ“ инженернаго управленія сдѣлался извѣстенъ *земскимъ управлѣн*, вѣдѣнію которыхъ, въ настоящее время, подлежатъ и, вѣроятно, будутъ подлежать многія зданія, предназначасмыя для помѣщенія и пользованія войскъ.

Новая карта Варшавскаго военнаго округа.

Какъ извѣстно, въ 1867 г., послѣдовалъ высочайшій указъ о новомъ административномъ раздѣленіи Привислянскаго края, входящаго въ составъ Варшавскаго военнаго округа.

До тѣхъ поръ, край этотъ, въ административномъ отношеніи, раздѣлялся на *пять губерній*:

	Пространство. Квадр. миль.	Населеніе. Человѣкъ.
1) Августовская . . .	342	675,197
2) Полоцкая	311	639,202
3) Варшавская	672	1,942,696
4) Радомская	439	1,040,426
5) Люблинская	563	1,069,761

Согласно высочайшему повелѣнію, край этотъ, въ видахъ административныхъ, раздѣленъ на *десять губерній*:

	Пространство. Квадр. миль.	Населеніе. Человѣкъ.
1) Сувальская	218, ₈	460,935
2) Ломжинская	207	440,894
3) Плоцкая	188, ₈	428,513
4) Варшавская	258, ₇	794,910
5) Калишская	196, ₅	567,440
6) Петровская	212, ₄	606,256
7) Радомская	223, ₈	471,658

8) Келецкая . . .	170,4	451,197
9) Люблинская . . .	294,6	519,284
10) Сѣдлецкая . . .	249,2	459,797
	2,220,2	5,200,885

Изъ приведенныхъ данныхъ видно весьма значительное измѣненіе административнаго раздѣленія Привислянскаго края сравнительно съ прежнимъ. При этомъ слѣдуетъ упомянуть, что изъ числа городскихъ поселеній пять пунктовъ переименованы въ губернскіе города (а именно: Ломжа, Калишь, Петровъ, Кельцы и Сѣдецъ) и значительное число мѣстечекъ — въ уѣздные города; вмѣсто прежнихъ 39 уѣздовъ образовано 85 уѣздовъ.

Такая перемѣна административнаго состава края вызвала необходимость составленія новыхъ картъ онаго, что и было возложено мѣстнымъ управленіемъ на г. Нипанича, чиновника канцеляріи намѣстника.

Г. Нипаничъ составилъ двѣ карты:

1) *Спеціальную карту губерній царства Польскаго*, въ масштабѣ 10 верстъ въ дюймѣ (въ $\frac{1}{420000}$ доли), на четырехъ листахъ большаго формата.

2) *Дорожную карту губерній царства Польскаго*, въ масштабѣ 24 версты въ дюймѣ (*), на одномъ листѣ.

Спеціальная карта. На ней нанесены нѣкоторые орографическіе предметы, въ особенности обозначающіе долины рѣкъ и даже небольшихъ рѣчекъ; изъ числа гидрографическихъ — даже небольшія рѣчки, озера, которыми изобилуютъ сѣверныя губерніи края, и значительныя болѣта; пути сообщенія: желѣзныя дороги, шоссе (съ обозначеніемъ I и II классовъ), почтовые и проселочныя, причемъ картѣ приданъ маршрутный характеръ, ибо на всѣхъ этихъ путяхъ отчетливо обозначены разстоянія между придорожными пунктами; въ числѣ населенныхъ пунктовъ показаны не только города и мѣстечки, но и

(*) Замѣтимъ, что при обозначеніи масштаба на картахъ и планахъ составители не рѣдко оговариваютъ, что оныя оставлены въ масштабѣ столько-то верстъ „въ англійскомъ дюймѣ“; считаемъ такую оговорку совершенно излишнею, потому что дюймъ, принятый въ Россіи, совершенно равенъ англійскому дюйму. Упоминаемъ здѣсь объ этомъ потому, что на картахъ г. Нипанича именно встрѣчается указаніе на „англійскій дюймъ“. Здѣсь вѣсти сказать, что иностранное слово „масштабъ или масштабъ“ весьма соответственно могло бы быть замѣнено словомъ „мѣриникъ“, которое встрѣчается на многихъ нашихъ старыхъ картахъ.

селенія, причѣмъ обозначены особыми знаками церковные приходы (*). Для обозначенія административнаго дѣленія края, карта иллюминирована разными красками по губерніямъ, съ показаніемъ уѣздныхъ границъ. Вообще карта эта составлена весьма отчетливо, хотя по своей внѣшности далеко уступаетъ „Спеціальной картѣ“ издаваемой главнымъ штабомъ, о которой мы говорили въ одномъ изъ нашихъ картографическихъ отчетахъ.

Дорожная карта, имѣющая особое спеціальное назначеніе, весьма удобна для этой цѣли; вся карта помѣщается на одномъ листѣ. На ней обозначены главные населенные пункты со всѣми сообщеніями, на которыхъ выставлены разстоянія между пунктами, въ верстахъ. Административное раздѣленіе края обозначено хромолитографическимъ способомъ.

Написи на обоихъ картахъ, какъ и слѣдовало ожидать, обозначены на русскомъ языкѣ вполне правильно (**).

Новая карта Кавказа.

Недавно издана въ свѣтъ кавказскимъ отдѣломъ императорскаго русскаго географическаго общества *карта Кавказа*, масштабъ 40 верстъ въ дюймѣ, на одномъ листѣ.

Карта эта представляетъ окончательный результатъ обширной кавказской триангуляціи; на ней весьма наглядно и отчетливо показаны всѣ административныя раздѣленія края, которыя получили силу съ 1-го января настоящаго 1868 г.; кромѣ того, на краяхъ карты помѣщены разныя географическія, статистическія и другія полезныя свѣдѣнія о Кавказѣ.

Вообще карта эта можетъ служить съ большою пользою для разнаго рода справокъ (***).

(*) Въ „изъясненіи знаковъ“ вѣроятно по ошибкѣ показаны два особые знака для обозначенія „римско-католическихъ приходовъ“.

(**) Главный складъ этихъ картъ въ Петербургѣ: въ географическомъ магазинѣ главнаго штаба и въ книжномъ магазинѣ Кожанчикова; въ Варшавѣ: въ книжномъ магазинѣ Кожанчикова. Цѣна: *спеціальной карты*, въ листахъ 3 р.; наклеенной и въ футлярѣ 5 р.; *дорожной карты*, 75 к.; наклеенной и въ футлярѣ 1 р. 20 к.

(***) Карта продается въ всѣхъ книжныхъ магазинахъ и въ географическомъ обществѣ; цѣна 1 р. безъ пересылки.